

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук Конопаткина Владислава Алексеевича
на тему: «Саморепрезентация римской императорской власти
в V веке н.э.»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование В.А. Конопаткина выполнено в русле современных тенденций и подходов исторической науки, нацеленных на выявление социокультурных, символических, коммуникативных механизмов и практик осуществления государственной власти в Римской империи. Ключевым предметом такого рода исследований является репрезентация потестарных институтов, правящих элит и самих носителей верховной власти, т.е. совокупность способов, образов, форм, ритуалов, «медийных» ресурсов, обеспечивающих как признание и легитимацию властителей, так и повседневное функционирование государственно-политической системы и желаемое восприятие императора со стороны подвластных. Как показывает опыт новейшей историографии, комплексное изучение этих моментов, увязывающее воедино объективированные структурные элементы и правовые нормы, субъективные ожидания, психологические реакции и семантически значимые действия, а также то пространство знаков, кодов и смыслов, которое определяется как семиосфера, раскрывает действительно важные стороны исторической реальности и существенно обогащает наши представления о глубинных факторах, обуславливающих цивилизационное своеобразие обществ прошлого.

В современной исторической науке названные подходы пока еще отнюдь не равномерно реализуются применительно к разным историческим эпохам, и, в частности, Поздняя античность по сравнению с классической древностью и Средневековьем в меньшей исследована с этой точки зрения.

Поэтому обращение к проблемам репрезентации императорской власти в V в. н.э., ставшем последним столетием собственно римской истории и началом византийского тысячелетнего периода, безусловно, является актуальным, так как, помимо прочего, позволяет поставить вопрос о трансформации соответствующих традиций, восходящих к эпохе Принципата и изменявшихся под воздействием новых исторических условий (христианизации, варваризации и т.д.).

Замысел диссертации как раз и состоит в том, чтобы, привлекая всю совокупность разнообразных источников, проследить, как именно менялись стратегии императорского самовыражения в контексте этих новых условий, выявить взаимодействие ритуальных, визуальных и дискурсивных каналов репрезентации власти, понять место и роль императора как стержневого связующего элемента между различными социальными группами населения (чиновничьим аппаратом, армией, сенаторской аристократией, столичным и провинциальным населением) и как ключевой знаковой фигуры, вокруг которой в ходе символической коммуникации между властью и подданными кристаллизовались представления о римской имперской идентичности.

Реализация такого замысла предполагает тщательную работу с широким кругом источников разных типов и видов и четкое определение адекватных и продуктивных методологических подходов. В числе последних определяющее значение имеют подходы так называемой «культурной истории политического», в рамках которой государственно-политическая власть рассматривается как совокупность символических практик и форм коммуникации, включая визуальные образы, материально-предметную среду, тексты и церемонии, образующие единую семиотическую систему. В рецензируемой диссертации действительно комплексно и профессионально использован весь круг доступных источников, как нарративных, так и вещественных, изобразительных, юридических. Их характеристика дана в соответствующем разделе Введения, как и обоснование выбранных исследовательских методов и концепций (в числе последних, в частности,

берется на вооружение известная концепция акцептации императорской власти — *Kaiserakzeptanztheorie* — Эгона Флайга). При этом, характеризуя источники своего исследования, диссертант делит их на две большие группы: письменные и материальные. Однако стоило бы, наверное, выделить в отдельную группу источники изобразительные (иконографические) (тем более что сам автор на с. 30 пишет, что изучение изображений предполагает внимание к их формальным характеристикам, к политическим замыслам, определявшим их создание, и к социальным практикам восприятия). Вполне оправданна установка автора диссертации избегать прямого использования терминов «легитимация» и «пропаганда», особенно при анализе нумизматического материала, поскольку, как отмечает автор, «исчезновение индивидуальных черт в изображениях императоров, стандартизация монетных типов и их заметное упрощение создают дополнительные препятствия для традиционных пропагандистских интерпретаций» (с. 211).

Обоснованным представляется выбор хронологических рамок исследования — от смерти Феодосия I (395 г.) до воцарения Юстиниана I (527 г.). Это, так сказать, «долгий пятый век». При этом, исходя из состояния источниковой базы и необходимости учитывать генезис тех или иных рассматриваемых феноменов, диссертант обращается к сведениям как более раннего времени, включая эпоху Принципата, так и более позднего, собственно византийского периода. Правда, некоторые сюжеты (например, ритуал *adoratio* в параграфе 2.2) приходится рассматривать почти исключительно на источниках III–IV вв. В связи с тем, что соответствующий материал довольно-таки объёмен, а многие явления и тенденции существовали на протяжении нескольких позднеантичных столетий, возможно, в названии диссертации стоило бы вместе с V веком указать и IV век или же «Поздняя Римская империя».

Понятие «саморепрезентация», вынесенное в заглавие работы, отсутствует в определении ее предмета, который на с. 23 обозначен как «образ власти, возникающий в ходе символической коммуникации между

императором и подданными»). В.А. Конопатки, впрочем, следует довольно абстрактному, хотя и рабочему определению репрезентации К. Гинзбурга (как «инструмента опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены “изображением”, способным воскресить предмет в памяти или “описать” его таким, каков он есть») и понимает ее как активный инструмент конструирования политического воображаемого, а именно как совокупность визуальных, ритуальных и текстуальных кодов, которые позволяли отсутствующему императору опосредованно «присутствовать» в повседневной жизни подданных. Но всё же следовало бы обозначить, какое именно содержание вкладывается в термин «саморепрезентация»: не ограничивает ли компонент «само» спектр рассматриваемых практик? Ведь императорская власть в некоторых случаях не только репрезентировалась самими ее носителями, но соответствующие ее образы формировались и транслировались другими агентами (придворными, воинами, духовенством, провинциальным чиновничеством), чьи ожидания и восприятия влияли на формирующийся образ, и это в общем показано в диссертации.

Большим плюсом работы является детализированная, хорошо продуманная и логичная структура. Диссертация состоит из четырех глав, разделенных на параграфы и подпараграфы, которые четко отражают многообразие рассматриваемых предметов и сюжетов исследования. Каждая глава завершается четко формулируемыми выводами. Глава 1 посвящена характеристике императорского двора с точки зрения иерархии его основных служителей и должностей; в отдельных параграфах дан обзор системы регионального управления и определены особенности государственного управления в позднеантичную эпоху. В этой главе в основном суммируются результаты предшествующих исследований, и служит она необходимой экспозицией для последующего рассмотрения двора как пространства репрезентации императорской власти и роли высшего чиновничества и

придворных как ключевых агентов, создававших и транслировавших образ верховного правителя, которого они представляли.

Сакральные и политические аспекты дворцовых церемоний исследованы во 2-й главе. Здесь автор останавливается на пространственной характеристике и декоративном оформлении дворца, внешнем виде самого императора, на ритуалах приветствия, обращения с прошениями, на императорских приемах и пиршествах, приеме посольств и т.п. Детальный, опирающийся на источники анализ показывает, что важнейшим фактором формирования сложного придворного церемониала было объективное противоречие между всеобъемлющим характером императорской власти и ограниченными возможностями ее носителя. Дворцовый церемониал показан как особый язык власти, со своими правилами, обязательными для участников, который устанавливал иерархию через обмен символическими жестами на различных уровнях.

В главе 3 рассматриваются такие вопросы, как выбор императором места своей резиденции, ритуалы *accessio augusti*, торжественный вход императора в город (*adventus*), участие в публичных празднествах и играх. Они исследуются в рамках модели «спектакля», одним из ключевых элементов которого были городское пространство и его материальное наполнение. Автору удалось найти достаточно убедительные аргументы в пользу сохранения церемоний адвента после смерти Гонория (423 г.), вплоть до конца Западной Римской империи.

Разнообразные сюжеты объединены в главе 4 «Тотальная видимость власти: механизмы репрезентации *in omnibus locis*». Здесь характеризуется роль высшего чиновничества как представителей императора, проводников его воли, показаны функции императорских изображений, в том числе и на знаках власти императорских чиновников и на монетах, а также выявляется значение таких каналов коммуникации, как аккламации в городах и оглашение императорских законов. Отметим, в частности, интересный вывод о том, что система рангов и достоинств чиновников являлась важным инструментом

репрезентации императорской власти. Надея подданных определенной *dignitas*, император не просто возвышал их в социальной иерархии, но и делегировал частицу своего авторитета, устанавливая строгую корреляцию между службой и степенью общественного почитания. Через систему рангов и привилегий императорская власть визуализировала себя, создавая видимую иерархию статусов. В такой ситуации даже такой утилитарный предмет, как чернильница, превращался, по мнению диссертанта, в важный инструмент власти, визуально и материально связывая провинциальную администрацию с фигурой императора.

В 4-й главе высказаны и обоснованы и другие важные наблюдения. Так, обращено внимание на роль императорского чиновничества в системе акцептации власти в Восточной империи. Отмечено, что публичное пространство империи, насыщенное разнообразными символами власти императора, служило, по сути, инструментом обеспечения власти, демонстрируя превосходство имперских политических институтов над возможностями и источниками легитимации всех потенциальных соперников. Отмечен и такой интересный парадокс: несмотря на христианизацию империи, официальные портреты императоров создавались в рамках традиционной военно-триумфальной иконографии, без каких-либо отсылок к христианским добродетелям. Изображения на монетах не столько формировали представления об императоре, сколько фиксировали уже сложившиеся в обществе архетипы. Вместе с тем в законодательных преамбулах позднеантичных императоров особое место занимала теологическая проблематика, отражавшая их заботу о правильном ритуальном почитании сверхъестественных сил и согласовании государственной деятельности с божественной волей.

Вся эта всеобъемлющая сеть визуальных и ритуальных практик, по справедливому заключению В.А. Конопаткина, создавала уникальный феномен «рассеянной сакральности» и «тотальной видимости» власти императора, которая проявлялась не только в прямых политических актах, но

и в множестве повседневных взаимодействий, превращая абстрактную идею империи в конкретный, постоянно воспроизводимый опыт подданных. При этом наиболее заинтересованными в поддержании высокого символического значения фигуры императора выступали именно провинциальные элиты, для которых обращение к образу всеблагого, всепобеждающего и благотельного императора было средством укрепления собственного положения в глазах местного населения.

Такой набор взаимосвязанных феноменов позднеримской политической культуры действительно дает автору возможность показать императорскую саморепрезентацию как единую систему, включавшую особым образом организованную пространственную среду, церемониал, публичные выступления и визуальные символы власти, адресованные всей империи. Новизна диссертационного исследования, таким образом, состоит прежде всего в реализации по-настоящему синтетического подхода, который позволяет преодолеть традиционную дихотомию «реальная/показная власть», интерпретируя императорские образы как принцип функционирования императорской власти в условиях институциональной слабости. Новым моментом является также включение в поле зрения локальных аккламаций и предметов материальной культуры провинций, включая материалы Северного Причерноморья.

Диссертация написана хорошим академическим стилем. Промежуточные выводы (по главам и параграфам) четко сформулированы, как и итоговые в Заключение. Исследование отличается концептуальным единством, последовательным и аргументированным обоснованием основных идей, дополняющих и развивающих реализованные к настоящему времени в мировой историографии подходы. В работе учтены и обобщены результаты новейших изысканий по теме.

Исследование имеет достаточную степень апробации в публикациях в докладах на научных конференциях и в рецензируемых научных изданиях (включая и монографию: Конопаткин В.А. Торжество образа: визуальные и

ритуальные формы римской императорской власти в V веке. М.; СПб.: Наука, 2025).

В целом же можно констатировать, что диссертация В.А. Конопаткина является актуальным, оригинальным, самостоятельным исследованием, отличается новизной, теоретической и практической значимостью. Основные научные положения и выводы вполне обоснованы. Предложены новые решения ряда конкретных проблем по теме исследования. Автореферат и публикации отражают основные положения диссертации. Диссертационное сочинение обладает внутренним единством и свидетельствует о личном вкладе соискателя в науку.

Что же касается критические замечаний, которые хотелось бы высказать, то они относятся не к сути авторских подходов и выводов (они, повторю, в целом вполне обоснованы и интересны), но в большинстве своем носят либо рекомендательный характер, либо возникают на уровне, я бы сказал, редакторского инстинкта.

1) В тексте встречаются противоречивые утверждения, как, например, в пассаже на с. 87: «Интересно отметить, что, несмотря на свою значимость, диадема упоминается **относительно редко** в описаниях внешнего облика императора. Тем не менее, она остается неотъемлемым атрибутом императорской власти и **часто**, таким образом, упоминается в текстах».

2) Некоторые толкования источников звучат недостаточно обоснованно. Так, на с. 96 утверждается: «В любом случае сама практика простираяния ниц была давно знакома римлянам, поэтому ни о каких восточных заимствованиях в этой связи говорить не приходится». В подтверждение этой мысли приводится пассаж из «Анналов» Тацита (XV. 71. 1): *genua ipsius advolvi et dextram osculis fatigare*. Автор толкует его как «простерлись ниц перед Нероном и целовали его правую руку с мольбами о прощении на устах». Но в данном случае *genua ipsius advolvi* можно понимать как «припадать к его коленям», что не совсем то же самое, что простираться ниц.

3) Не всегда удачны переводы источников, выполненные соискателем. Например, на с. 48 пассаж из “Varia” Кассиодора переведен как: «... почти что утренняя звезда для **дворцового двора** (aulici consistorii): ведь как эта звезда обещает наступление дня, так и он передает **явление** нашего спокойствия (vultus nostrae serenitatis attribuit) тем, кто в нем нуждается». Не точен перевод одной из надписей “habenti quoq(ue) salutation(em) secundam Imp(eratoris) Antonini Aug(usti) Pii” — «также вторым имел *salutatio* от императора Антонина Августа Пия» (CIL. VI. 1111) (с. 95). Лучше было перевести «имел [привилегию] второго приветствия императора...». Адресат этой эпитафии при этом назван сенатором **преторианского** ранга вместо «преторского».

4) Имеются и ошибки (опiski) в передаче латинских и греческих слов и выражений: patriae potestas вместо patria potestas (с. 64), Eusev. вместо Euseb. (с. 93, сн. 339); вместо Филострата в ссылке на «Жизнь софистов» указан Филосторгий: Philostorg. Vit. Sophist. II. 10. 9 (с. 97 и на с. 228 в списке источников); πρῶξιμος вместо πρῶξιμος (с. 108). В одном месте в греческую цитату вклинилось непонятное латинское слово uíveros (с. 111). Город Афродисиада именуется Афродизий или Афродисий (с. 179 и др., с. 193).

5) В библиографическом списке не приведены использованные русские переводы античных и византийских авторов (хотя, цитируя те или иные литературные источники, В.А. Конопаткин указывает авторов соответствующих переводов). Источники, очевидно, следовало бы не приводить общим алфавитным списком, а подразделить на категории: нарративные, юридические, эпиграфические, нумизматические, папирологические. Кроме того, в библиографических описаниях встречаются ошибки, например: Demougeot É. 'Le Colosse de Barletta', Mélanges de l'École française de Rome. // Antiquité. 1982. Т. 94/2. Р. 951–978 вместо Demougeot É. Le Colosse de Barletta // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1982. Т. 94/2. Р. 951–978 (сн. 647, с. 189). Работа М.В. Бибикова оказалась в библиографии среди авторов на букву «С» (с. 233). Книга К. Гопкинса вместо “Conquerors and Slaves” названа “Slaves and Conquerors” (в Библиографии на с.

246 и в нескольких ссылках). В описании одной из работ К. Давенпорта неправильно указано издательство и год издания (с. 240): Davenport C. *Imperial ideology and commemorative culture in the Eastern Roman Empire, 284-450 CE.* // *Byzantium, its neighbours and its cultures.* / Eds. D. Džino, K. R. Parry. Brisbane: Brill, 2017. P. 45–70. Издательство должно быть не Brill, а Australian Association for Byzantine Studies, а год издания 2014.

6) В диссертации использован весьма солидный круг исследовательской литературы — почти 500 наименований. Тем не менее ряд важных и полезных для проблематики диссертации исследований оказался вне поля зрения автора, в частности: Dawson T. *By the Emperor's Hand: Military Dress and Court Regalia in the Later Romano-Byzantine Empire.* Barnsley, 2015; *Empresses-in-waiting: Female Power and Performance at the Late Roman Court* / Ed. C. Rollinger, N. Viermann. Liverpool, 2024; Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533.* Cambridge, 2003; Kelly C. *Emperors as gods, angels as bureaucrats: the representation of imperial power in Late Antiquity* // *Arys: Antigüedad: religiones y sociedades.* 1998. № 1. P. 301–326; Kelly C. *Ruling the Later Roman Empire.* Cambridge, Mass.; London, 2004; *Emperors and Emperorship in Late Antiquity: Images and Narratives* / Ed. M. Pilar García Ruiz, A.J. Quiroga Puertas. Leiden, 2021).

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Конопаткин Владислав Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой истории древнего мира
и Средних веков Института международных отношений
и мировой истории

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Махлаюк Александр Валентинович

ПО

НАЧ.

НН

03.09.2026

Контактные данные:

тел.: +

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы:

603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, Национальный
исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.
Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории
Тел.: 8(831)4623241; e-mail: imomi@imomi.unn.ru